

Автор: Клещенкова Е. (Россия)

Группа молодых специалистов расположилась в маленьком уютном зале. Это были необычные люди — целители людских душ, начинающие психотерапевты. Собравшиеся оживленно общались, делились опытом. Беседа протекала в русле «всё в нашей профессии было бы хорошо, если бы не клиенты».

— Представляете, я — в стоматологической клинике, — делится одна подающая надежды специалистка. — Сажу в холле, жду своей очереди. И тут звонит моя клиентка. Она ехала на автомобиле по трассе в другой город, к родителям. Позвонил муж, чем-то расстроил. Вот теперь она остановилась на обочине, у нее истерика. Ехать дальше она не может — и звонит мне, спрашивает, что делать. Я ей отвечаю: «Возьмите себя в руки, успокойтесь. Сделайте три глубоких вдоха». Клиентка рыдает в голос. «Так, — говорю, — давайте дышать вместе». Ну, начинаю громко дышать в трубку, приговаривая: «Вдох, выдох, вдох, выдох...» Люди вокруг смотрят на меня как на больную, а один мужик и спрашивает: «У вас что там, кто-то рождает?» «Нет, — отвечаю я ему, — с ума сходит...»

После взрыва смеха продолжилось обсуждение животрепещущей темы.

— Я в своей работе таких вещей не допускаю, — отозвался солидный мужчина лет тридцати, — Должны быть четко выстроены и соблюдаться границы между клиентом и терапевтом. Иначе тебе на голову сядут, а ты еще виноватым окажешься.

— А мне их жаль, — призналась одна сердобольная дама. — Хотя иногда бывает: бьешься, бьешься, а толку... Ничего в их жизни не меняется, только время зря трачу на их постоянные жалобы.

— Ответственность!

— Ответственность!

— Ответственность! — послышался со всех сторон хор голосов.

— Предлагаю круглый стол на тему: «Отношения терапевта и клиента» считать открытым, — громко произнес пожилой руководитель. Он поставил себе на колени свой

кожаный кейс и открыл его. — И как раз по этому поводу — терапевтическая сказка!

Он вынул из кейса несколько исписанных мелким почерком листов. Молодые коллеги понимающе переглянулись. «Это надолго!» — словно хотели они сказать друг другу.

— Ничего. Сказка ложь, да в ней намек! — подбодрил руководитель, заметив погрузневшие лица. — Итак...

* * *

День Левия Матфея

Смеркается. Белесая пелена снега за окном. Не видно даже огней поселений, сквозь которые проезжает пассажирский поезд. Ритмичный стук колес, теснота купе. Пассажиры разбирают свежее, чуть влажное белье, проводница предлагает чай. В купе, как обычно, четверо.

Слева, у окна, расположилась Дама средних лет. Модная короткая стрижка молодит ее. Когда Дама улыбается, вокруг глаз появляются лучики-морщинки, но это только усиливает ее обаяние.

Рядом с Дамой — невысокий полный Мужичок. Он то и дело вздыхает и охает и с тоской взирает на верхнюю полку, на которой ему предстоит провести эту ночь.

Напротив — Мать с Дочерью-подростком. Не в меру хлопотливая мамаша обустроивает свое место. Она уже разложила на маленьком столике традиционные для железнодорожных путешествий блюда: жареную курицу, вареные яйца, бутерброды. Несколько раз отбившись от настойчивых материнских предложений поужинать, Девушка вынула из своей сумки книгу и погрузилась в чтение.

— Ну вот! Разве можно в такой темноте! Совсем не бережет глаза! — воскликнула Мать, почему-то обращаясь к попутчикам. — Ты меня слышишь?!

Дочь сделала вид, что не слышит, и перевернула очередную страницу.

— Что же ты читаешь? — вдруг обратился к девушке Мужичок, по-видимому, решивший сохранить зрение непослушной читательнице.

Девушка оторвала взгляд от книги и развернула ее обложкой к собеседнику. Блеснули золотые буквы на синем фоне: «Мастер и Маргарита».

— О-о-о! — протянул Мужичок. — И как, нравится?

— Да, очень! Второй раз перечитываю.

— И что же, тебе, деточка, больше всего нравится?

— Как Маргарита летала над Москвой. И бал у сатаны. И кот Бегемот очень смешной! — ответила девушка и первый раз улыбнулась.

— Ой-ой-ой! Бал у сатаны! Вроде великий писатель, великая книга, а сколько вреда от нее людям!

— Вреда? — вмешалась в разговор до сих пор скучавшая Дама. — Какой же, по-вашему, от нее вред?

— Это я вам как священник говорю! — Мужичок расправил плечи, чтобы внешне соответствовать своему высокому предназначению. — А вред в том, что сатана в ней — главный персонаж. Он заправляет судьбами, словно и нет никакого Бога. А все бесовское так привлекательно описано, что сложно не восхищаться. А где восхитишься, там и поклонисься.

— А может быть, это люди виноваты, что и Воланд на их фоне — герой. Говорят, что мы, люди, бываем такими, что и бесы нами гнушаются, — возразила Дама.

Батюшка с интересом посмотрел на собеседницу и, оценив ее знания, обратился теперь напрямую к ней:

— А главные герои, Мастер и Маргарита?! Разве такова любовь? Ведь она ведьмой стала, обратилась к нечистому! А юные, неокрепшие души читают и восхищаются.

— Так она ради любимого! — вставила с интересом следившая за разговором девушка, но ее реплика осталась незамеченной.

— Но это пусть, люди есть люди. Никто не свят, один Господь! А как вам Иерусалимские главы? Как можно было так исказить образ Христа! — Батюшка явно увлекся своей речью, разругался. — Христос — судья и владыка вселенной. Жертва Христова — добровольная, от века предуготовлена ради спасения человечества, об этом ясно в Евангелии сказано. А у Булгакова получился полоумный философ-идеалист. Да, добрый, но безвольный, слабый и смертный. Где Воскресение Христово, где Пасха?! А еще говорят: «Роман века!»

— А, по-моему, «Мастер и Маргарита» все-таки роман века, — произнесла Дама, — Это не искажение Евангелия. Это портрет своей эпохи и своего народа на фоне Евангелия. И пророчество о будущем. Сбывшееся пророчество...

— Как это? — заинтересовался Батюшка, — Расскажите!

— О, это долго рассказывать... — ответила Дама, и ее взгляд стал грустным.

— Так ведь спешить не куда. Ложиться еще рано. Вы меня, грешного, слушали, но и мне интересно узнать ваше мнение, — произнес любознательный Батюшка и примирительно улыбнулся.

— Для меня это книга, прежде всего, — о предательстве, о тяжести вины и ее искуплении, — начала свою речь Дама. — Я перечитывала роман несколько раз и всегда узнавала себя в однажды струсившем, предавшем и приговоренном к вечному одиночеству Понтии Пилате.

Дама на минуту замолчала. Все со вниманием ждали продолжения. Ее голос стал намного тише, но интонация ее слов завораживала. О, неповторимое очарование вагонных откровений!

— Это было давно. Нам было по восемнадцать-девятнадцать лет. Мы были студентами одного курса. Его звали Сашка. Мы любили друг друга. Любили по-детски наивно и доверчиво, и по-детски же неуклюже и жестоко. Я его предала. Предала, как некогда Пилат предал своего Иешуа. Тоже струсила. Испугалась первых трудностей в отношениях, которые пришли на смену влюбленности. А тут появился другой — взрослый, умный, влиятельный. Он сулил золотые горы, и я начала встречаться с ним. Но когда Сашка узнал об измене и мы расстались, я вдруг поняла, что потеряла — не только единственного близкого, любимого человека. Я потеряла покой, который дает чистая совесть, я потеряла веру в себя. И, подобно Пилату, я жила в своем изгнании — одиночестве, со своей виной и ужасом обрушившегося на голову и раздавившего неба. С болью и презрением к самой себе. О счастье говорить не приходилось. Шли годы. Боль то стихала, то появлялась вновь.

С личным все никак не складывалось.

— Простите, а вы исповедовались? — вмешался Батюшка.

— Да, — ответила Дама, — искренне. Только боль не проходила. Спустя несколько лет после окончания института я узнала, что он женился: дом, дети, работа. Вроде все хорошо у него, а я все равно чувствовала себя виноватой. Сколько раз я хотела найти его и просто попросить прощения!

— Что же останавливало? Гордость?

— Не столько. Понимаете, можно было найти его адрес, прийти — и с бухты-барахты попросить прощения. Но это равнозначно тому, чтобы вломиться в жизнь чужой семьи, для того чтобы облегчить свою ношу. Я понимала, что в Сашке тоже могут жить отголоски тех чувств, и беречь его раны — эгоизм, и не более. Я жила так десять лет и не видела выхода. И вот со мной произошло чудо. Вы помните, как Пилат освободился от своей вины? — обратилась Дама к слушателям.

— Кажется, Иешуа сам пришел к нему по лунной дорожке, — ответила девушка.

— Сам, да не сам! За него попросили. И за меня попросили. А было это так...

В этот момент дверь в купе отворилась. Проводница предупредила, что скоро потушат свет. После небольшой паузы Дамы продолжила свой рассказ.

— По профессии я, кстати сказать, литератор. Преподавала в школе, немного писала, печаталась в местных изданиях. В школе меня ценили, я рано получила должность завуча. Учителям, как известно, раз в пять лет полагается проходить курсы повышения квалификации — лекции, итоговые работы, аттестация. Вот на таких курсах я и познакомилась с Яковом Михайловичем. Это был человек старой закалки — профессор, литературовед, философ. Ему было за семьдесят, ходил он плохо, с палочкой, и работал, по-видимому, только для того, чтобы не оставаться в одиночестве и хоть с кем-то делиться своими знаниями. А преподавал он, надо сказать, великолепно. Я была влюблена в его интеллигентность, ум и образованность. Казалось, Яков Михайлович знал все на свете и лично присутствовал, когда Муза диктовала Данте строки «Божественной комедии». Он так живо относился к литературе; каждый автор был для него собеседник и друг, каждое произведение — особый, целостный мир. Он не требовал посещаемости, ему от слушателя нужно было только одно: его душа должна быть живой и откликаться на слово. Он говорил, что литературе нельзя научить, можно только передать свою к ней любовь. Еще Яков Михайлович любил повторять, что настоящая литература мистична и что если произведение задело за живое, то оно может вывести на свет божий и исцелить душевные раны.

Я частенько провожала старика до дома. Он был благодарен мне за помощь, и мы сблизились, можно сказать, подружались. Мы много беседовали: о литературе, философии, о религии. Однажды мы заговорили о «Мастере и Маргарите», и я, сама того не ожидая, поведала учителю свою историю: и про Понтия, и про казненного им Иешуа.

Старик долго молчал, его взгляд стал влажным от набежавшей слезы.

— Что же может сделать Понтий Пилат, чтобы получить прощение? — задал он вопрос не то мне, не то самому себе.

— Ничего. Ничего нельзя сделать! — отозвалась я.

— Да нет... — задумчиво произнес Яков Михайлович, — кое-что можно... — И вдруг добавил: — Я попрошу за тебя, девочка. Помолюсь Тому, кто может все изменить...

Весь оставшийся путь мы шли молча и простились у порога его дома особенно тепло.

Вскоре мои занятия завершились, и я вернулась в школу. И вот — первый день на рабочем месте. В учительской раздаётся звонок, я поднимаю трубку:

— Здравствуйте, вам требуется преподаватель литературы?

Я чуть не лишилась дара речи. Это звонил мой Сашка! Я сразу узнала его голос, как будто и не было столько лет разлуки.

— Да, конечно! Приходите! У нас как раз свободное место.

Это было чудо. Как, как это могло произойти!? Видно, Господь услышал молитвы моего дорогого Якова Михайловича.

...Мы проработали с Сашкой бок-обок полгода. За это время мы в полной мере примирились. Я помогала ему освоиться в новом коллективе и даже заслужила его уважение. Нередко случалось, что мы оставались в учительской вдвоем — и говорили, говорили, говорили: о жизни, о творчестве, о его семье, о его любимой жене, об общих друзьях. Об одном мы только не говорили — о том, что произошло тогда между нами. И я думала, как права я была, что не пошла «просить прощения». И еще вспоминала, как шли Иешуа с Пилатом по лунной дорожке, и Иешуа говорил, что не было ни предательства, ни казни, ни страданий. И я чувствовала себя там, вместе с ними.

Через полгода Сашка уволился, нашел более высоко оплачиваемую работу, а вскоре, на Прощеное воскресенье, он позвонил мне, я услышала долгожданное: «Я тебя прощаю!»

Вот такая история... И уже осмысливая сквозь нее роман «Мастер и Маргарита», я сделала для себя открытие. Оказывается, в отношениях Пилата, Иешуа и Воланда, который «отпустил» наказанного Пилата, было малозаметное, но такое важное звено — просящий за прокуратора Левий Матфей. Единственный ученик, готовый на любые страдания и смерть ради своего учителя. Его слово, его просьба возымели такую силу.

И вдруг все части пазла сошлись воедино, и я поняла, что же это такое — булгаковское «Евангелие» из «Мастера и Маргариты». Это портрет своей эпохи и своего народа. Ведь все было именно так: обезбоженная страна; жестокие и циничные правители, из властолюбивых амбиций лишившие свой народ веры, церкви; толпы покалеченных, бездумных и жестоких в своей исполнительности марков крысобоёв.

Одинокие понтии пилаты, потомки того, с трусливого согласия которого был распят Иешуа. Кто они? Это люди мыслящие и глубокие, веровавшие в Евангелие и Христа; люди нравственные, понимающие, какие преступления против Бога и человека вершатся повсюду. И, тем не менее, предавшие, жившие «под собою не чуя страны», и молчавшие, потому что каждое слово правды могло оказаться последним. Это, наверняка, и сам гениальный автор романа, прикованный безысходностью вины совестливого человека к креслу Понтия Пилата.

Левий Матфей. Последователи Христа, вся Святая Церковь превращается в булгаковском романе в единственного, гонимого и обезумевшего ученика. Но ведь так и было... Я не буду сейчас писать о том, какими путями была сохранена вера в Советском Союзе. Но это всегда был подвиг разрозненных, голодных, лишенных гражданских прав,

да порой и права на жизнь одиночек. Безумцев, гневших в психушках только за то, что они осмеливались открыто говорить о вере, хранить у себя дома иконы, Евангелие, передавать свои знания другим.

Сам Христос превратился в Иешуа. Не Спасом Вседержителем видели Христа современники Булгакова, а именно таким: добрым, полуумным, слабым бродячим философом. Таким и было христианское учение в советскую эпоху — бродячей философией, предназначенной для истребления. Но оно выжило — и вернулось к нам, благодаря молитвам и подвигу единиц, пронесших свою веру сквозь гонения. Разве не так я говорю, батюшка? — обратилась Дама к внимательно слушавшему ее священнику.

— Так, все так, — удрученно покачал головой собеседник. — Расстреливали, гноили в тюрьмах, распинали на заборах, семьи вывозили в Сибирь и оставляли умирать. Тысячи, тысячи людей погибли!

— Да, горько! — подтвердила Дама. — Но вот теперь, благодаря их подвигу, благодаря просьбе булгаковского Левия Матфея мы имеем то, что имеем. Имеем возможность идти по одной лунной дорожке с Христом. И спустя почти столетие Он говорит нам: не было ничего — не было разрушенных церквей, не было кровавых гонений. Я просыпаюсь утром и слышу колокольный звон, у меня всегда есть возможность прийти в храм, услышать молитву, и очень часто я забываю, что это не просто так, и что за это заплачено, и что это кем-то вымолено...

— Это и есть ваше сбывшееся пророчество? — спросил Батюшка.

— Да, — ответила Дама, — Бог нас простил и к нам вернулся.

— Может Вы и правы... — задумчиво протянул священник. — Может, и так...

...Рано утром поезд прибыл в Большой город. Попутчики, успевшие за время пути сблизиться, попрощались и пожелали друг другу всего того, что принято желать в таких случаях. Но вот вокзальная суета подхватила их и закружила в своем ритме. И уже на перроне Батюшка окликнул Даму и в впопыхах произнес:

— А ведь сегодня тот самый день!

Дама вопросительно посмотрела на него.

— День булгаковского Левия Матфея, — сказал Батюшка, но от этого Даме не стало понятнее. — Зайдите в любой храм, на литургию — и поймете! Еще есть время, успеете.

— Хорошо, я схожу в храм, обещаю! Спасибо Вам, батюшка! — произнесла Дама, но ее слова потонули в общем шуме.

...Дама сдержала свое обещание. Протопанная среди недавно выпавшего снега дорожка вела к храму, в здании которого несколько десятилетий назад располагался склад. В храме былолюдно и торжественно. Среди прочих, ставших уже привычных слуху, молитвословий,

Дама разобрала:

— Величаем вас, святии новомученицы и исповедницы Российскойи, и чтим честная страдания ваша, яже за Христа претерпели есте.

— Вот это да! — изумилась она. — Прав был батюшка. Сегодня День новомучеников и исповедников Российских! День булгаковского Левия Матфея.

* * *

В зале повисла тишина. Специалисты осмыслили услышанное.

— Я поняла, — наконец раздался чей-то голос. — Вы предлагаете за них еще и молиться!

— Еще и молиться... — печально улыбнулся руководитель и кивнул головой. Он спрятал листки обратно в свой кейс и захлопнул его с нарочито громким щелчком.

